

Л 2007

3809 к

Кулян ШИЛЬДЕБАЕВА
Гульнара ТУЛЕШЕВА

... У розой
рассыпалось

ЭКО

Куляя ШИЛЬДЕБАЕВА

Гульнара ТУЛЕШЕВА

... *У розой*
рассыпалось

ЭКО

ББК 84 Қаз7
Ш18

*Издано по программе Комитета информации и архивов
Министерства культуры и информации
Республики Казахстан*

Ш18 Шильдебаева К., Тулешева Г.
"...И розой рассыпалось эхо". Стихи.
– Алматы, "Өлке", 2006. – 160 стр.

ISBN 9965-742-73-1

В жизни всегда есть место романтике. И особенно остро это чувствуют и передают поэты. Не потому ли, читая хорошие стихи, наряду с эстетическим удовольствием, мы как бы раскрываем рамки привычного мира. И каждое слово в настоящей поэзии приобретает особое качество – становится многозначительным, весомым, запоминающимся.

ББК 84 Қаз7

Ш $\frac{4702250200}{00(05)-06}$

ISBN 9965-742-73-1

© Шильдебаева К.,
Тулешева Г., 2006
© Издательство "Өлке", 2006

Кулян Шильдебаева

*Из антологии
"ЧУДЕСНЫЙ САД"*

Перевод Риммы Казаковой

* * *

Смелость —
из-под ног батыра я взяла,
с острия меча —
решительность взяла,
щедрость —
я у добрых всходов взяла,
честность —
у земли, у матери взяла,
справедливость,
чтобы ей вершить дела,
я у чести у отцовской взяла,
красоту —
я у восхода взяла.
Я тоску —
у глаз косуля взяла,
а задумчивость —
у мудреца взяла,
и выходит — это все,
как смогла,
у тебя я у самой, жизнь, взяла..

* * *

Иду и пою,
иду и пою,
и жизнь —
словно песня сама для меня.
Иду и пою,
иду и пою —
к далекой черте,
до грядущего дня.
Слагаю стихи,
слагаю стихи,
и жизнь,
как стихи, и сама для меня.
Как ливень, стихи,
как буря, стихи,
шагаю строками грозы и огня.
Мой кюй, мой напев,
мой кюй, мой напев —
как жизнь
в бесконечном сиянии дня.
И все эти дни,
все эти стихи —
подарок природы самой для меня.

Белый фартук

Моей Гульнаре

Ты белый фартук нынче не надела —
дар матери совет дочурке строгой...
Мать и сама сегодня то и дело
поглядывает на окно с тревогой.
Зрачок моих очей, куда ушла ты?
На стуле — белый фартук виноватый...

Гляжу на фартук, сшитый мной когда-то,
я вижу: словно вновь — в руках игла...
Нет, дочка, ты ни в чем не виновата.
Но как ты быстро, дочка, подросла!
И все ж, как давней детской порою,
без страха все ты матери открой!

Учила меня...

Учила меня мама:
не лги ты никогда!
Учила меня мама:
собою будь всегда.
Учила меня мама:
завидовать не смей!
Учила меня мама:
мать уважать уме^й.
Учила меня мама:
героев надо чтить...
Учила меня мама
и... научила жить.

Теперь вот так, точь-в-точь,
учу всему я дочь.

* * *

Что дорого нам в этой жизни?
Навеки влюбленный возлюбленный дорог.
Что дорого нам в этой жизни?
Джигит, пред которым склоняется враг.
Что дорого нам в этой жизни?
Друг верный, с которым путь дальний недолог.
Что дорого нам в этой жизни?
Глас мудрого, что человечеству дорог!

В горах рожден ты,
и — высокогорный —
с горами схож он,
твой характер гордый.
Рожденное в горах,
крылато слово,
а мастью —
в перья беркута степного,
что над землю два крыла простер,
которые белы, как гребни гор.

В горах рожден ты,
я же —

дочь казахов,
мне дорог с детства
степи терпкий запах,
и жажду утолю я до конца
лишь в этой речке,
здесь,
в краю отца.

...Вершины Чингизтау
пел Абай.

А ты воспел
аварский горный край.
Степных просторов,
горных круч
сыны,
вы оба —
слава
всей родной страны!

* * *

Годы-стихи, мои милые годы-стихи...
Сколько бумаги изорвано было с тоски!
Сколько ночей в одиночестве и в тишине
вам отдала я... А что подарили вы мне?

То возгорались,
 как жаркий и добрый костер,
то разлетались,
 вспорхнув со страниц на простор.
И, как охотник, выслеживающий лису,
долго плутала я в вашем дремучем лесу...

* * *

Если тополь — ты, твоей листвою
буду, солнцем дней твоих согретой.

Если ты — гладь озера, я — твой
лебедь на зеркальной глади этой.

Если ты — высокая гора,
я — косуля, что по склонам скачет.

Если ты — рассветная пора,
я — тюльпан, чей день тобою начат.

Если чистый снег — ты, превращусь
в землю ту, что ждет его причастья.

Если ты — ладонь, то опущусь
на нее, как будто птица счастья.

* * *

Над головою небо у меня
в мерцанье странном звездного огня.
А на земле в качании берез
рождается напев неясных грез.

Качаются травинки на ветру.
Цветы играют в эту же игру,
смищаются, смущенно никнут вдруг,
и тайны все исполнено вокруг.

Таит, скрывает что-то темнота.
Иду домой и знаю: не проста
сочувственно, смущенно мир затих...
Во мне забрезжил, зародился стих

Журавли

Над просторами земли,
в небе — тоненькие нити,
журавли, о журавли,
вы меня с собой возьмите!

Если с вами полечу,
облетаю поднебесье,
вас тогда я обучу
самой небывалой песне.

С ваших крыл в голубизну
небосвода, небосклона
этой песней я плесну!
И — вздохну освобожденно.

* * *

Мой красочный, волшебный мир,
в твои цветы, в твои цвета
я влюблена!
Они свежи —
как будто девичьи уста.

Мой красочный, волшебный мир,
я ветра дней твоих полна,
в рассветы нежные твои,
в их чистоту
я влюблена!

Мой красочный, волшебный мир!
И сквозь оконное стекло
твой золотой струится свет,
и мне тепло,
и мне светло!

* * *

Твори добро,
мой сын,
оно добром вернется,
какая ни придет
печальная пора.

Твори добро,
мой сын,
и счастье улыбнется
тебе!

Ведь состоит
жизнь все же
из добра.

Из книги
"МОЖЖЕВЕЛЬНИК"

Перевод Натальи Бабицкой

Спешу

Трепещет сердце ласточкой, спеша
путь очертить хотя б до середины.
Стремится неусыпная душа,
постичь недостигаемость вершины.

Держа тетрадь и тяжкое перо
неся поклажу горестей и муки,
творить для соплеменников добро
торопятся заботливые руки.

И словно не брести им по камням,
и не месит в осенний дождик глины,
не терпится натруженным ступням
все горы обойти и все долины

* * *

Я смелость получила от батыра,
Стремительность взяла я у оленя.
У журавлей я верности училась,
а щедрости — у сада и у пашни.

Отец в наследство мне оставил честность,
Красу переняла я у апреля.
Печаль мне подарили очи лани,
а мудрость — изречения великих.

Святая верность, доблестная щедрость,
краса, печаль, стремительность и мудрость,
все эти драгоценности — от жизни.

Планета просит тишины

Как вороны, черные мысли
терзают рассудок порой.
Лишь голубь, трепещущий в выси,
на крыльях приносит покой.

Парит белый голубь в соседстве
с вершиной зари и звездой.
В груди у него — мое сердце,
следящее за тишиной

Ранимое сердце поэта
всех распрей провидит тщету.
Мой голубь! Живая планета
глядит на твою чистоту.

Останься в небе навеки,
лети через все времена,
затем чтоб долины и реки
могла осенять тишина.

Да будет светлым вечер!

Произнесу:

— Да будет светлым вечер! —

Так говорили в древности казахи
в дому у друга, радости при встрече
хозяину желая и хозяйке.

Прошли века. Курганы, изваянья
и кладбища сровнял с землею ветер:
Но все звучит под небом пожеланье
прекрасное:

— Да будет светлым вечер!

О как хотел мой предок, чтоб сияло
большое счастье в сумерках и ночью,
чтоб в доме, озираясь одичало
беда не выводила песню волчью.

О как желал он мира и покоя,
когда, коня горячего стреножив,
стоял на поле завтрашнего боя,
и каждый звук во тьме его тревожил

когда в степи, безводной и пустынной,
он брел, ловя губами капли пота,
и черствый хлеб сухой казался глиной,
и стягивала страшная дремота.

В тот век вражды, отчаянья, страдания
и родилось, чтоб стать святым и вечным,
не пожеланье, нет, но заклинанье:
— О господи, да будет светлым вечер!

Брожсу по России

Твои, Россия белые леса
подобны чистой тайне и мечте.
Твои огни, глядящие в глаза,
как звезды в беспредельной высоте.

Когда смотрю на площади твои,
ликует окрыленная душа.
Когда касаюсь девственной травы,
от счастья замираю не дыша.

Пространство от седых морей до гор
полуденных дано мне исходить.
Кек Прометей, смогу ли твой огонь,
в ладони взять и людям подарить?!

Твой смех

О как люблю твой смех,
когда на манер огня
он брызжет из глаз и вверх
летит, темноту гоня.

О как я люблю, когда,
смеясь, доверяешь мне
печали, чтоб без следа
сгорают в твоём огне.

Когда же ледяная боль
сжимает виски в кольцо
ты смотришь во тьму с мольбой
и гаснет твоё лицо.

Но дни пробегут, и вот
разносится смех опять.
О как я хочу его,
ожегшись в ладони взять!